

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ТРАКТОВКЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Валентина Дианова

Санкт-Петербургский государственный
университет;
Социологический институт РАН

Цитирование: Дианова В.М. Польский вопрос в трактовке российских интеллектуалов XIX – начала XX века // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2(6). С. 109–117. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2019.6.7>.

For citation: Dianova, V.M. (2019), Pol'skiy vopros v traktovke rossiyskikh intellektualov XIX – nachala XX veka [The Polish question in the interpretation of Russian intellectuals of the 19th – early 20th centuries], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], no. 2(6), pp. 109–117.
DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2019.6.7>.

Анализируются взгляды российских интеллектуалов XIX – нач. XX в. П. Я. Чаадаева, Б. Н. Чичерина, В. С. Соловьева, Г. Н. Трубецкого, А. Н. Пыпина на решение польского вопроса. Показано, что польский вопрос представлял собой емкую многоаспектную проблему и его трактовки в различных социальных и правительственных кругах были неоднозначными. Освещаются воззрения малоизвестного в России лингвиста, публициста и общественного деятеля М. Здзеховского, российского подданного польского происхождения, непосредственно состоявшего в общении с вышеперечисленными представителями российского научного сообщества. Приводятся суждения Здзеховского по поводу предлагавшихся российскими интеллектуалами вариантов решения польского вопроса, рассматриваются причины невозможности практической реализации их проектов в условиях царской России. Неожиданный ход развития событий привел к упразднению польского вопроса, поскольку поляки обрели независимость, образовав самостоятельное государство. Освещение тематики, касающейся существования национальных меньшинств в составе Российской Империи, позволяет увидеть заинтересованность российских интеллектуалов в решении существовавших в то время проблем и оценить присущую им гуманистическую и независимую позицию.

Ключевые слова: польский вопрос, национальный вопрос, культурная автономия, национальная культура, М. Здзеховский, интеллектуальная элита.

The views of some Russian intellectuals of the 19th – early 20th centuries who tried to solve the Polish problem are considered. It is shown that the Polish problem was understood differently in different social and government circles. Among Russian philosophers who took part in the discussions dealt with this problem were P. Ya. Chaadayev, B. N. Chicherin, V. S. Solovyov, G. N. Trubetskoy, and A. N. Pypin. It is stressed that all of them were against Russification of the Poles and insisted on the necessity of the Poles' being autonomous in the Russian Empire. The views of the linguist, publicist and public figure Marian Zdziechowski, a Russian citizen of a Polish descent, who was an active participant of the discussion about the Polish problem, are systematized and analyzed. Zdziechowski's judgments concerning the variants of the Polish problem being solved proposed by the Russian intellectuals mentioned above are considered, the reasons why their social projects were impossible to be put into practice in tsarist Russia are examined. The unexpected course of historical events made the Polish problem irrelevant because the Poles gained independence and formed an independent state. The analysis of positions determined by different solutions of the problems related to the existence of national minorities within the Russian Empire allows us to conclude that most of the Russian intellectuals were humanists.

Keywords: Polish problem, national question, cultural autonomy, national culture, Marian Zdziechowski, intellectual elite.

В период, когда Польша более столетия не имела собственной государственности вследствие разделов ее земель между крупными державами и польский народ проживал на их территориях, возникли проблемы, связанные со степенью автономии поляков, т. е. с сохранением их культуры, религии, языка. В Австро-Венгрии, Пруссии и Российской империи эти проблемы обладали разной степенью остроты и отличались способами решения. Они были в поле зрения не только государственных органов: к их осмыслению обращались видные деятели культуры тех лет, чье отношение к сложившейся ситуации, их независимая оценка и предлагаемые варианты решений запечатлены в трудах, переписке, публицистике [1]. Весьма остро эти проблемы ощущались в России, где в результате второго (1793), а затем третьего (1795) раздела Речи Посполитой поляки проживали в Царстве Польском и в северо-западных губерниях. В совокупности эти проблемы стали именоваться «польским вопросом». Информация о волнениях, мятежах, восстаниях и бунтах, с разной степенью интенсивности проходящих на этих землях, отражалась в служебных рапортах, записках, донесениях, имеющих ограниченный уровень доступа. Только в настоящее время свидетельства о минувшем получили надлежащую огласку, поскольку опубликованы и доступны широкому кругу читателей многочисленные документы тех лет [5].

Длительное время польский вопрос очень мало занимал российское общество, однако волнения и восстания 1830–1832 гг., а затем 1863–1864 гг. способствовали его актуализации. Суждения и оценки были весьма противоречивы. Польское восстание 1830–1832 гг. вызвало оживленные споры среди российских интеллектуалов, побудило их к осмыслению проблемы национальной автономии. П. Я. Чаадаев отреагировал на эту проблему статьей «Несколько слов о польском вопросе», написанной в 1831–1832 гг., осудив идею отторжения Царства Польского от России, так как он был убежден в том, что «благополучие народов может найти свое полное выражение лишь в составе больших политических тел» [6, с. 224]. При этом Чаадаев исходил из того, что истоки становления российской государственности лежат в объединении нескольких славянских племен и что все тот же политический союз существует поныне и объединяет две трети всего славянского племени, представляя славянское начало во всей его неприкосновенности. Русский философ полагал, что «в соединении с этим большим целым поляки не только не отрекутся от своей национальности, но таким образом еще больше укрепят ее» [6, с. 224]. Эти свои суждения он аргументировал противопоставлением и осуждением иной ситуации, в которой поляки, попав под влияние немцев, испытывают на себе их «поглощающее воздействие», или, как сегодня мы бы сказали, подвергаются ассимиляции. Точка зрения Чаадаева не нашла поддержки среди многих его современников, в частности у поэта и литературного критика П. А. Вяземского и историка А. И. Тургенева, что подтверждает наличие разных мнений по поводу польского вопроса среди интеллектуальной элиты того времени.

Существование множества трактовок польского вопроса в интеллектуальной среде побудил историка литературы А. Н. Пыпина обратиться к их рассмотрению. Он осуществил это, обратившись к русской литера-

туре XIX в. Прodelанный им обзор был опубликован в нескольких номерах журнала «Вестник Европы» (1880). Пыпин отмечал, что польский вопрос в российской печати долгое время был почти абсолютно закрыт [7, т. 1, с. 704]. Рассматривая сложившиеся трактовки польского вопроса, он намеревался выявить систему взглядов отдельных авторов, а не просто фиксировать наличие их мнений. Он изложил и проанализировал воззрения историка М. П. Погодина, который с 1831 г. писал о польском вопросе, и сделал весьма категоричный вывод о том, что поскольку «мысли Погодина о польском вопросе представляют путаницу» [7, т. 2, с. 686], то «из сочинений Погодина трудно извлечь какую-нибудь определенную систему взглядов» [7, т. 1, с. 735].

В своем обзоре Пыпин исследовал воззрения и других авторов, дал им оценку. Проблематику статьи Д. Ф. Самарина «Современный объем польского вопроса», опубликованной в газете «День» (1863, № 38), он охарактеризовал как «спор славянства с латинством» [7, т. 2, с. 696]. Критике были подвергнуты взгляды слависта и мыслителя славянофильского направления В. И. Ламанского, которые в отношении поляков трактуются им как «обрусение» [7, т. 6, с. 282]. Заметим, разногласия в научных воззрениях не мешали Пыпину находиться в дружеских, уважительных отношениях с Ламанским, о чем свидетельствует их переписка.

Пыпин ищет более глубокие и последовательные постановки польского вопроса среди малорусских или так называемых украинофильских писателей. При этом он признает, что условия самой русской литературы бывали таковы, что высказывать существующие мнения о польском вопросе было всего труднее [7, т. 5, с. 711]. Исходя из сложившихся взаимоотношений между русскими и поляками, Пыпин пишет о необходимости «примирения» между народами. Он стремится исходить из объективных оценок имеющейся ситуации, поэтому не может не отметить враждебный настрой среди самих поляков – то, что «сами поляки не идут к нам навстречу, чужды примирения», а значит, «в подобных отношениях первый шаг навстречу должен делаться сильнейшим» [7, т. 2, кн. 4, с. 709].

Цикл публикаций Пыпина акцентировал ряд важных моментов, характеризующих глубину и сложность решения польского вопроса. Он признавал: «Есть в нашем польском вопросе какое-то тяжелое и досадное противоречие между заявлениями нашего национального превосходства и силы, с которой Польша не может и помышлять бороться, заявлениями нашего славянского представительства, и тем преследованием полонизма, которое мы видим и в виде крупных стеснений и мелкой травли» [7, т. 6, с. 303]. Характеризуя сложившуюся ситуацию, Пыпин отмечал, что «в среде русского общества выросло сознание ненормальности этих отношений, высказанное более или менее определенно» [7, т. 6, с. 305]. И все же, вывод Пыпин делает весьма обнадеживающий: «Над всеми взрывами вражды и репрессий возвышалось однако в лучших умах искание иных отношений, мирных и братских, планы и идеалы дружного сожительства и сотрудничества для целей свободного “славянского” развития» [7, т. 6, с. 282].

Проделанный Пыпиным обзор представленных в литературе воззрений на решение польского вопроса не охватил многие иные источники социального и гуманитарного знания, на что указывал и сам автор, в частности, в прямых или косвенных исследованиях польского вопроса в трудах чисто исторических, однако это не входило в его планы. Обратимся к освещению воззрений некоторых других авторов с тем, чтобы как можно полнее представить глубину этой темы, наличие разных точек зрения и предлагаемых трактовок.

Среди авторов, обращавшихся к польскому вопросу, – философ, историк, правовед и публицист Б. Н. Чичерин. В Берлине он издал специальную брошюру, посвященную этой теме. Согласно разъяснениям Чичерина, текст был написан в связи с ответом на адресованные ему открытые письма русского юриста, профессора и ректора Киевского императорского университета Н. К. Ренненкампа (опубликованные в «Киевлянине») по поводу некоторых вопросов, затронутых в его книге «Политика». Согласно предваряющим текст книги разъяснениям, автор отмечает наличие животрепещущего интереса к этим вопросам, поэтому подчеркивает, что обмен мыслями между образованными и беспристрастными людьми может быть небесполезен. Одновременно он признает отсутствие какой-либо практической пользы в этом обмене мыслями, поскольку «не только мы с вами не призваны решать эти вопросы, но на практике они вовсе и не поставлены, и решение их в смысле справедливости представляется не более чем праздною мечтою, о которой практические люди даже и толковать не станут» [8, с. 5].

Чичерин начинает свое изложение с польского вопроса и отмечает, что «безумное восстание 1863 г. надолго отдалило возможность правильного решения этого вопроса» [8, с. 14]. Затем он делает обстоятельный исторический экскурс, пытаясь проследить эволюцию и характер взаимоотношений поляков и русских, причем включение Царства Польского в состав русских губерний и подчинение их одному центральному управлению он назвал величайшей политической ошибкой русского правительства [8, с. 16]. Отвечая на поставленные Ренненкампом вопросы, Чичерин проводит сравнение условий проживания поляков на прусской и российской территориях и приводит факты: «В познанских гимназиях, в трех низших классах, преподавание ведется исключительно на польском языке, в высших частью на польском, частью на немецком. А у нас? В бывшем Царстве Польском, в краю, где нет ни одного русского, кроме служащих, все преподавание ведется на русском языке; польский язык совершенно изгнан из школы. Что же это, как не самое последовательное обрусение?» [8, с. 18]. Каковы же конкретные суждения Чичерина по поводу польского вопроса? Он писал: «Уничтожение самостоятельности Царства Польского и все стремления к обрусению края не содействуют сближению его с Россией, а, напротив, возбуждают в населении только большую ненависть к иноземному владычеству. Своим безумным восстанием поляки надолго отдалили возможность правильного решения вопроса; но и меры, принятые русским правительством, нисколько не приближают нас к этой цели. На исходе XIX века это остается грозным вопросом будущего» [8, с. 23–24].

Чичерин предложил предпринять вполне конкретные меры. Для того, чтобы восстановить дружеские отношения между двумя братскими народами, необходимо прежде всего установление полной равноправности поляков и русских, что предполагает восстановление польского языка и в преподавании, и в официальных отношениях. Он называет это только первым шагом к сближению народов. Последующим должно стать возвращение полякам отечества.

Многие поднятые Чичериным вопросы о вопиющих противоречиях в российской политике нашли свое дальнейшее развитие в публицистических текстах философа и публициста Г. Н. Трубецкого. Он, как и Чичерин, обращает внимание на то, что стремление России освободить от рабских цепей южные славянские народы идет вразрез с нашим отношением к польскому народу. Трубецкой рассматривал решение польского вопроса в русле актуальных для России проблем международной политики. Отмечая героическую миссию России, осуществляемую на Балканах по освобождению «турецких славян» во время освободительной борьбы 1877–1878 гг., он в то же время признавал отсутствие внятной государственной идеи, которая привела Россию к войне, и указывал, что в данном случае внешняя политика российского государства определялась скорее чувством сострадания: «Смутность и сбивчивость славянской идеи проистекала из фальшивого положения, созданного польским вопросом» [9, с. 141]. Трубецкой объясняет, что славянский вопрос находится в тесной связи с польским: «Если в Турции мы освободили славян, а у себя дома в железных тисках держали Польшу, то тем самым у нас не могло создаться определенное и яркое отношение к славянскому вопросу, и, с другой стороны, наша неустойчивость не могла создать и в славянском мире определенное устойчивое отношение к России» [9, с. 141]. Размышляя об укреплении веры в Россию ради сплочения славянского мира, он называл польский вопрос тем «пробным камнем», разрешение которого сформирует отношение славян к России, ибо он «укажет им, могут ли они продолжать верить в Россию и надеяться на нее» [9, с. 142].

Иная трактовка польского вопроса сложилась у В. С. Соловьева, который пришел к ней на поприще религиозных исканий. Русский философ писал о необходимости расчистить мысленный путь для примирения двух христианских миров, реализация которого невозможна ни на социальной почве, ни на государственной почве, но возможна в результате примирения восточной и западной церквей. Решение польского вопроса Соловьев рассматривал в качестве исторической обязанности России. Истоки возникновения этого вопроса он усматривал в принадлежности поляков и русских к разным церквям – восточной и западной: «И против России поляк так ожесточенно враждует не в качестве поляка и славянина (ибо тогда ему следовало бы более враждовать против немцев), но в качестве передового бойца великой идеи западного Рима враждует он против России, в которой видит представительницу противоположной идеи восточного Рима. И здесь дело России – показать, что она не есть только представительница Востока, что она есть действительно третий Рим, не исключаящий первого, а примиряющий собою обоих» [10, с. 278].

Позже трактовка польского вопроса получила у Соловьева более объемное толкование. Выступая в 1888 г. в Париже с лекцией под названием «Русская идея», он заявлял: «Я не хочу рассматривать здесь притязаний поляков на восстановление их старого королевства, ни тех возражений, которые русские с полным правом могут им предоставить. Дело не в осуществлении проблематичных планов, а в очевидной и неоспоримой несправедливости, от которой нам следует отказаться во всяком случае. Я говорю о гнусной системе русификации, которая имеет дело уже не с политической автономией, но нападает на национальное существование, на самую душу польского народа. Обрусить Польшу значит убить нацию, имеющую весьма развитое самосознание, имевшую славную историю и опередившую нас в своей интеллектуальной культуре, нацию, которая и теперь еще не уступает нам в научной и литературной деятельности. И хотя при этих условиях окончательная цель наших русификаторов, по счастью, недостижима, однако все, что предпринимается для ее осуществления, не становится от этого менее преступным и зловредным. Эта тираническая русификация, тесно связанная с еще более тираническим разрушением греко-униатской церкви, представляет воистину национальный грех, тяжелым бременем лежащий на совести России и парализующий ее моральные силы» [11, с. 237].

Наиболее остро проблемы межнациональных отношений в России ощущали выходцы из национальных меньшинств. Среди многих российских подданных польского происхождения, кто в своей научной и общественной деятельности в той или иной степени стремился к разрешению сложившейся ситуации вокруг польского вопроса, нельзя не упомянуть теоретика литературы, философа и публициста М. Здеховского [2; 3]. Изначально сфера его профессиональной деятельности, обусловленная базовым образованием, полученным на историко-филологическом факультете Императорского Дерптского университета, – русский язык и славянское языковедение. В дальнейшем спектр научных интересов Здеховского расширился, и многие поздние его работы можно отнести к философии. О своих профессиональных интересах Здеховский пишет так: «Без боязни преувеличения могу сказать, что лучшее в русской поэзии и прозе стало моим достоянием, я почувствовал русский идеализм во всех его высоких проявлениях» [12, с. 33–34]. Прекрасно образованный и эрудированный, но не будучи профессиональным политиком, Здеховский постоянно «держит руку на пульсе» болезненного для него польского вопроса. Сложившийся вокруг него круг общения формировался согласно «лакмусовой бумаге»: отношение к национальному вопросу в России вообще и конкретно к польскому вопросу. Для аргументации своей позиции Здеховский неизменно обращался к идеям авторитетных для него образованных людей, находя в них необходимую поддержку. Следуя их идеям, Здеховский стремился приблизиться к намеченной по жизни цели, которую он видел в обретении поляками равного с русскими статуса в Российской Империи. Остроту польского вопроса он объяснял следующими обстоятельствами: «Русское общество, поглощенное собственной неурядицей, забыло о Польше, но не забывали о ней, на

славу России, ее величайшие мыслители Б. Н. Чичерин и В. С. Соловьев; к сожалению, их слово заглушалось» [13, с. 20].

На трудный подвиг примирения российского и польского народов, по признанию Здзеховского, благословил его Чичерин. Несмотря на разницу в возрасте, Здзеховский успел завязать с ним отношения, вступил в переписку, приглашал посетить Ягеллонский университет, где действовал научно-просветительский «Славянский клуб», председателем которого он был на протяжении более десяти лет [4]. В годовщину смерти Чичерина в Кракове было проведено большое собрание членов клуба, на котором выступавшие подчеркнули значимость его идей для исправления положения поляков в России и называли Чичерина их защитником [14, с. 12]. Во многих своих произведениях Здзеховский ссылаясь на тексты Чичерина, давая высочайшую оценку его воззрениям. В работе «Российские влияния на польскую душу» Здзеховский называет его «благороднейшим российским мыслителем», «присвоившим себе монополию правдивости», горячим патриотом России [15, с. 53, 74]. В публикации еженедельника «Новое звено» – органе независимой либеральной мысли – Здзеховский пишет в открытом письме к А. Н. Брянчанинову: «На одинокой возвышенности, один, без последователей и продолжателей, стоит великий русский мыслитель и единственный в русской науке и русском политическом творчестве представитель того широкого, гуманного консерватизма, без которого нет ни жизни, ни прогресса в государстве. Это был Б. Чичерин. Открываю третий том его “Курса государственной науки” и читаю в главе “Об общем законодательстве и местном” следующие слова: “Интересы притеснителей не имеют ни малейшего нравственного права на существование”... “Посягательство на родное (т. е. на веру и язык покоренного народа) со стороны государства всегда чувствуется как оскорбление святыни”... оно возбуждает “в подвластном населении злобу и вражду, которые тем крепче вкореняются в сердца, чем возвышеннее и благороднее оскорбляемые чувства”» [16, с. 178]. Возвышенными и благородными были чувства самого Здзеховского, именно поэтому так болезненно ощущал он несправедливость сложившихся отношений между поляками и русскими.

Те из российских интеллектуалов, кто писал о польском вопросе, нуждались во мнении Здзеховского, охотно приглашали его к сотрудничеству в редактируемых и издаваемых ими журналах. Это относится к братьям Е. Н. и Г. Н. Трубецким, издававшим журнал «Московский еженедельник», к А. Н. Брянчанинову – редактору и издателю журнала «Новое звено». Заинтересованность была обоюдной. Лично состоял Здзеховский в общении и переписке с Пыпиным. Дважды виделся с философом Соловьевым, о чем оставил воспоминания в своей книге «От Петербурга до Ленинграда» [17]. Следовательно, описываемый здесь спектр воззрений по польскому вопросу вполне можно рассматривать как общее мнение многих российских интеллектуалов. Что касается Чаадаева, то его суждения также были близки Здзеховскому, о чем свидетельствует написанный им и посвященный Петру Чаадаеву очерк «Из истории российской политической идеологии», который был опубликован в последнем номере издававшегося в Кракове журнала «Славянский мир» [18].

Изложенная в начале данной статьи позиция Чаадаева по поводу польского вопроса по существу не противоречила воззрениям Здзеховского, ибо у него всегда речь шла только о польской автономии, а не о сепаратизме.

Итог размышлений по поводу польского вопроса был подведен неожиданным образом самим Здзеховским. Приведем выдержку из его публикации в журнале, издаваемым Брянчаниновым: «Итак, моя попытка ответа на заданный вопрос кончилась полной неудачей и лишний раз убедила меня в совершенной бесполезности всяких *теоретических* рассуждений в области польского вопроса. Печальная же *практическая* политика “со дня на день” есть дело наших представителей в Гос. Думе и Гос. Совете. Мне осталось одно – молчание» [19, с. 9]. Вскоре стремительный ход событий привел к упразднению этого вопроса, ибо поляки обрели суверенное государство.

Освещение суждений российских интеллектуалов по поводу польского вопроса актуально потому, что это – незабываемая страничка отечественной интеллектуальной истории, иллюстрирующая одно из направлений русской философско-политической мысли.

Литература

Исследования:

1. Gawor L. Świat Słowiański (1905–1914) // Sofia. Nr. 4. Rzeszów, 2004. S. 342–347.
2. Дианова В.М., Скочинский Я.Г. Жизнь и мировоззрение Марианна Здзеховского // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 82–91.
3. Skoczyński J. Wartość pesymizmu. Studia i szkice o Mariane Zdziechowskim. Kraków, 1994.
4. Казьмерчак Д. Слов'янський клуб у Кракові: генеза, мета і засади // Проблеми слов'янознавства. 2002. Вип. 52. С. 40–46.

Источники:

5. Польша против Российской империи: История противостояния / Сост. Н. Н. Малишевский. Минск: Букмастер, 2012.
6. Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989.
7. Пытин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. Т. I–VI.
8. Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н. К. Ренненкампа. Берлин: Изд-во Гуго-Штейница, 1899.
9. Трубецкой Г.Н. Польский вопрос и его отношение к славянскому вопросу // Московский еженедельник. № 5. 8 апреля 1906 г. С. 140–142.
10. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 257–396.
11. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219–246.
12. Здзеховский М. Еще о государственном инстинкте в России и в Польше // Московский еженедельник. № 34. 11 ноября 1906 г.

13. *Здзеховский М.* Государственный инстинкт в Польше // Московский еженедельник. № 25. 9 сентября 1906 г.
14. Klub Słowiański w Krakowie // Świat Słowiański. 1905. № 1. S. 1–16.
15. *Zdziechowski M.* Wpływy rosyjskie na duszę polską. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1920.
16. *Здзеховский М.* Дела славянские. На развалинах мечтаний // Новое звено. 1914. № 6.
17. *Zdziechowski M.* Od Petersburga do Leningrada. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2009.
18. *Zdziechowski M.* Z dziejów ideologii politycznej rosyjskiej (Piotr Czaadajew) // Świat Słowiański. 1914. № 109. S. 5–16.
19. *Здзеховский М.* Плоды искренности // Новое звено. 1914. № 11.

Dianova, Valentina M. *The Polish question in the interpretation of Russian intellectuals of the 19th – early 20th centuries*

References

1. Gawor, L. (2004), Świat Słowiański (1905–1914) [Slavic World (1905–1914)], in *Sofia*, no. 4, Rzeszów, pp. 342–347.
2. Dianova, V.M., and Skochinskiy, Ya.G. (2017), Zhizn' i mirovozzreniye Marianna Zdzekhovskogo [Life and worldview of Marian Zdziechowski], in *Voprosy filozofii* [Questions of Philosophy], no. 6, pp. 82–91.
3. Skoczyński, J. (1994), *Wartość pesymizmu. Studia i szkice o Mariane Zdziechowskim* [The value of pessimism. Studies and sketches about Marian Zdziechowski], Kraków.
4. Kazmerchak, D. (2002), Słowiański klub u Krakowi: heneza, meta i zasady [The Slavic Club in Krakow: genesis, purpose, and basis], in *Problemy słowiańsznawstwa* [Problems of Slavic Studies], no. 52, pp. 40–46.